

сти параллели с Германией и выразить восторг в связи с политическими и интеллектуальными кризисами, которые должны пробудить свободу (с. 431–432).

Первая мировая война в интерпретации Вебера – еще один важный сюжет книги. Авторская позиция в чем-то созвучна книге В. Моммзена⁵, но Каубе ставит иной акцент: «неудача Вебера повлиять на немецкую политику в мировой войне связана с его непониманием, что эпоха “политики ученых” давно-давно прошла» (с. 472).

Многогранность, противоречивость масштабной личности Вебера показаны автором в полной мере, поэтому противоречия в тексте – прежде всего противоречия самого героя.

⁵ *Mommsen W. Max Weber und die deutsche Politik. 1890–1820. Tübingen, 1974.*

Хотелось бы отметить хороший перевод и профессиональное научное редактирование русского издания книги Каубе. Правда, не понятно, почему перевод названия книги, помещенный на обложке и на форзаце, разный. На обложке переводчик и редакторы предлагают перевод «Макс Вебер на рубеже двух эпох», на форзаце – «Макс Вебер. Жизнь на рубеже эпох». Второй вариант больше соответствует оригинальному названию и авторскому замыслу. Но, видимо, и в переводе книги о Максе Вебере должен присутствовать некий необъяснимый элемент, который, как и личность великого ученого, нужно «расколдовывать».

Н. В. Ростиславлева,
доктор исторических наук, профессор
Российского государственного
гуманитарного университета
и Национального исследовательского
ядерного университета МИФИ

A. Tischer. LUDWIG XIV. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 2017, 243 S.
А. Тишер. ЛЮДОВИК XIV. Штутгарт, 2017, 243 с.

Исследование личности Людовика XIV, проведенное профессором университета Вюрцбурга Анушке Тишер, построено по проблемно-хронологическому принципу, в рамках которого на первый план выходит проблема, и эта проблема – сам Людовик XIV. Его содержание представляет собой скорее анализ, нежели описание фактов и событий жизни и деятельности короля.

В первой главе речь идет преимущественно о рождении образа монарха. О Людовике создавались мифы и антимифы, одинаково близкие и далекие от реальности. Его апологеты создавали образ короля, умиротворившего Францию после Фронды, а его противники вели против него активную политическую, военную и пропагандистскую кампанию, критикуя не только его действия, но и «инсценировку» власти, которой сами же подражали. Автор показывает, что Людовик, едва начав самостоятельно править, создавал свой собственный образ, который должен запомнить мир и его потомки. «Король играл свою роль как первый монарх в мире» (с. 13–14).

Особое внимание Тишер обратила на символику эпохи – Солнце. По ее мнению, сам король ввел эту символику с целью подчеркнуть свое главенство в христианском мире, нарушая тем самым существовавшую иерархию во главе с императором Священной

Римской империи. Вообще соперничество Людовика XIV и императора Леопольда I красной нитью проходит через всю книгу. Французский король был иным «Солнцем» – его символ отражался в строительстве, праздниках и творчестве исключительно в применении к нему самому. Еще его солнце означало силу, которая и согревает, и сжигает (с. 15). Тишер выводит на первый план внутривнутриполитические и культурные достижения короля, вопреки вновь обретшей популярности точке зрения отрицательно относясь к его внешней политике.

Во второй главе Тишер отмечает, что король, исполняя необходимые и церемониальные обязанности, рос в условиях «активной презентации» своих задач. Автор справедливо подчеркивает нетипичные для взрослого правителя особенности жизни юного Людовика: тяжелые условия гражданской смуты – Фронды (1648–1653), доверительные отношения с матерью Анной Австрийской, чего не было в жизни его отца, отсутствие систематического образования. Всё это сделало его человеком, который черпал силу из своего положения и был свободен в выборе того, что искать. Другие династии, как Габсбурги, столетиями вырабатывали и совершенствовали династическую ролевую модель, а Бурбоны были молодой династией с проблемой

имиджа. В этом плане Людовик имел ясное преимущество и сумел им воспользоваться, начав создавать позднее, в Версале, свой образ (с. 21–26).

Как специалист прежде всего в области международных отношений, Тишер значительно место отводит внешней политике Людовика XIV. Она отмечает, что средством укрепления мира и становления «блестящей монархии» стал брак Людовика с испанской инфантой Марией-Терезией в 1660 г., ставшей образцовой супругой короля. При этом Мазарини всеми силами препятствовал союзу влюбленного Людовика со своей племянницей, видя в нем политическую катастрофу. Автор обращает внимание на то, что успешному становлению короля способствовало его окружение. Характеризуя главных метресс короля — мадам де Лавальер, маркизу де Монтеспан и мадам де Ментенон, — А. Тишер вразрез с общепринятым мнением отмечает влияние каждой из них на культуру и политику Франции (с. 48–50).

В третьей главе показан путь короля к вершинам славы и величия. Его самостоятельное правление А. Тишер, как и многие другие ученые, связывает с идеей абсолютной власти, оговариваясь, что оно состоялось благодаря способным людям в его окружении — Ж.-Б. Кольберу, М. Лувуа, Г. де Лиону и др. (с. 52–54). Людовик XIV предъявлял высокие требования к родным, но и заботился о них, исходя из собственных и традиционных представлений. Динамика его правления отражает отнюдь не желание установить деспотию, а приверженность идее власти, идущей от Бога. А. Тишер полагает, что в целом христианская Европа, в той или иной степени перенимая французскую модель власти и ее репрезентации, конфликтовала с ней, поскольку новые стандарты не только во Франции, но и в международном праве континента Людовик утверждал с помощью своей агрессивной внешней политики (с. 69).

Причину бесконечных войн Людовика, занявших более половины его правления, А. Тишер видит в исключительной агрессивности его внешней политики, которая никогда не была оборонительной. Людовик представлял себя героем, которому нужна слава, раздвинул границы международного права и поставил себя выше общепризнанных норм и ценностей, что сближает его образ с узурпаторами и диктаторами будущего (с. 75–76).

Население Франции при Людовике XIV находилось вне войн, которые велись в основном за границами государства. Страна переживала мирное и стабильное время по сравнению с предшествовавшими потрясениями,

а наличие значительной армии позволяло монарху проводить политику с позиции силы. В то же время эпоха Людовика XIV являлась временем развития дипломатического искусства. Но королевская дипломатия не стала противоположностью завоеваниям, будучи просто другим методом внешней политики. Ее задачи сводились, по мнению автора, к инсценированию Людовиком своей великой роли на континенте и в мире, репрезентации силы, коммуникативным аспектам культурного характера. Поэтому неудивительно, что между Деволуционной и Голландской войнами возводился символ эпохи — Версаль, монумент культурного, политического и военного покорения Европы (с. 77–78). Подобная трактовка создания знаменитого ансамбля представляется интересной, хотя и несколько преувеличенной.

В следующей главе описывается период наивысших успехов Людовика. Король был активным правителем, заботился о процветании Франции и ключевым фактором своего успешного правления считал финансы, которые обеспечат развитие экономики, морской и колониальной политики. А. Тишер отдает должное исключительным способностям Кольбера, стоявшего не только за всем этим, но и за культурными и научными достижениями Франции (с. 81–84). В то же время протекционистская политика Кольбера не сделала из французов — аграрной нации — торговую, как в Британии или Голландии, что впоследствии привело к кризису. Согласно А. Тишер, Людовик XIV, прежде всего был и оставался королем войны и славы, поэтому эра великого администратора Кольбера закончилась со смертью последнего (с. 86). Что же касается правовой системы Франции, то принципиальные изменения закона в ордонансах 1667 и 1670 гг. не были заметны. Как и другие государства того времени, Франция осталась в рамках, где общество и закон постоянны, реформы лишь усилили авторитет и правовую безопасность короны (с. 89).

Рассматривая ход Голландской войны, А. Тишер обращает внимание на успешную дипломатию Франции, выразившуюся в заключении выгодных союзов с Британией и Швецией. В целом, по ее мнению, именно с этой войны европейские дворы осознали угрозу со стороны Франции и стали создавать коалиции против нее. Началось всё с окончания нейтралитета Священной Римской империи, когда в 1674 г. Людовик XIV впервые со времен Вестфальского мира был объявлен ее врагом. Политика Леопольда I оценивается в книге очень высоко — император последовательно создавал свой образ

защитника Вестфальского мира, подчеркивая новую угрозу христианской Европе и оборонительный характер союза против Франции (с. 95–96).

Политика реюнионов – расширение пограничной системы безопасности с правовым обоснованием – предстает в книге как функционирующий на иных принципах метод экспансии, еще сильнее подчеркивающий милитаристские формы правления Людовика XIV. Примечательно, что важнейшим аргументом в этой политике стали статьи Вестфальского мира об Эльзасе и Лотарингии. Несмотря на то, что завоевания Франции были признаны в 1684 г. в Регенсбурге, император Леопольд и другие чины Империи готовились дать ей отпор. Репутация Людовика XIV выросла, его Версаль стал образцом для подражания европейскими дворами, но, с точки зрения международного права, король Франции стал парией среди христианских государей (с. 100–101).

Переезд в Версаль, по мнению А. Тишер, обозначил новую ступень в жизни Людовика и его саморепрезентации. Несмотря на наличие внебрачных детей, между которыми король не делал различий, и фактическую полигамию он демонстрировал любовь к жене и рассматривал свои отношения с окружением как вполне обычные. Людовик внес новые стандарты в придворную культуру. При нем фаворитки приобрели фактически официальный статус. Вся жизнь короля – от войны и дипломатии до повседневности – являлась выражением его желаний, его репрезентации, но не вкуса его окружения. И хотя мадам де Ментенон, новая некоронованная супруга Людовика, имела на него большое влияние, она была, по мнению А. Тишер, олицетворением времени изменившегося с возрастом короля (с. 104–107).

В книге емко и точно показано, как проходил день в Версале. Основными принципами функционирования Версаля как социальной системы являлись праздники и развлечения, которые, правда, постепенно ограничивались. Одновременно являясь местом планов на будущее и повседневной работы, Версаль был центром, из которого Людовик созидал и обновлял новую монархию (с. 111–115).

Пятая глава книги важна не только для понимания идеологической основы правления Людовика, но и для понимания его дальнейшей внешней политики и восприятия современниками. После победы под Веной в 1683 г. Габсбурги вновь усилились. Поэтому другие государства надеялись на их помощь против французского короля. Но здесь А. Тишер выходит на другую параллель внешних сношений Франции – конкуренции с папством по

поводу пределов власти. Рим не был нейтральным институтом, ибо имел территориальную власть и, главное, собственные интересы в конфликте между Габсбургами и Бурбонами. Стремясь усилить свой суверенитет над церковью, Людовик XIV неизбежно сталкивался с претензиями со стороны папы. Король был истинно верующим, но католическая религия являлась для него одновременно и утверждением своей системы господства, опиравшейся на традицию, возникшую со времен введения галликанской церкви в XVI в.

Эдикт 1685 г., отменивший свободу вероисповедания гугенотов по Нантскому эдикту 1598 г., породил новые конфликты не только во Франции, но и в Европе. А. Тишер отмечает, что преследованиям подвергались не только гугеноты, но и яansenиты и другие течения в русле католицизма: критическая и частная набожность, выходящая за рамки системы господства, вызывала опасения не только самого короля, но и высших клириков королевства (с. 118–122). Большое значение в этом процессе А. Тишер придает влиянию епископа Отёнского Боссюэ и мадам де Ментенон. Другими словами, религиозная политика не являлась результатом его личного решения, а отвечала политической логике государственного строительства. Но эта логика не соответствовала времени, прошедшему с эпохи религиозных войн, поэтому действия короля подверглись жёсткой критике внутри страны и за ее пределами, в том числе и со стороны папы Иннокентия XI. Всё это отрицательно сказалось на репутации Франции за рубежом (с. 129).

В шестой главе анализируются события рубежа веков – время войн за пфальцское и испанское наследство. Вся предшествующая политика Людовика и усиление Империи способствовали созданию в 1686 г. Аугсбургской лиги, которую А. Тишер трактует в целом как оборонительную. Временное спокойствие в Европе подошло к концу, ибо Людовик видел в Лиге угрозу Франции и своему авторитету (с. 144). Вину за начало войны и ее жёсткое ведение автор полностью возлагает на французского короля, отмечая при этом, что в ходе войны он выступил и как мастер дипломатии (с. 151).

Вопреки распространенной точке зрения, что Людовик по миру в Рисвике 1697 г. ничего не приобрел, А. Тишер рассматривает Рисвик прежде всего как успех французской политики и замечает, что Леопольд I готов был и дальше продолжать войну. По мнению автора, мир стал компромиссом, которому способствовала среди прочего и смерть в 1691 г. склонного к излишней жёсткости военного министра Лувуа (с. 156).

Но уже начиная с 80-х годов на континенте наметилась крупная перегруппировка сил, смена центров политического, экономического и идеологического влияния. Ситуация же во Франции между войнами оставалась сложной из-за финансовых проблем, природных катаклизмов и др. И как контраст отмечает появление в 1701 г. знаменитого портрета Людовика кисти Гиацинта Риго, запечатлевшего монарха на вершине славы.

Финалом правления Людовика стала война за испанское наследство. Она разрушила традиционные экономические структуры, спровоцировала развал финансовой системы, как в 1648 г. или накануне Французской революции. В этом плане позитивные тенденции царствования Людовика закончились крахом (с. 158–167). Переговоры о разделе испанского наследства накануне войны оцениваются как высшая точка европейской и особенно французской дипломатии (с. 171–172). На какое-то время Людовик, еще недавно агрессор, выступает в иной роли, и А. Тишер объясняет это его страхом перед Габсбургами. Однако вряд ли французский король старался предотвратить развязку исключительно из-за опасений перед Веней — уже описанная выше внутренняя ситуация во Франции показывала, что даже если она и сможет вести успешную войну, последствия ее будут непредсказуемы.

Автор неоднозначно трактует результаты войны. Она привела Францию к гуманитарной, экономической и политической катастрофе. Но для династии Бурбонов Людовик стал королем удачи — Бурбоны утвердились в Испании и пережили французскую монархию (с. 186–187).

Когда эра великого короля завершилась, последовала критика его славы и достижений. Людовик не был государством, которое находилось вне его, насчитывая 20 млн подданных-французов, и которым он распоряжался как хотел. Тем самым А. Тишер указала

на полное отсутствие правового государства в его правление, иными словами, на отчуждение государства от общества. Именно поэтому накануне великой революции Франция поднялась как нация, а не как совокупность подданных монарха. Отмечая внимание современной историографии к единству барочной красоты и экспансионистской политики, автор приходит к выводу, что эта особенность определялась не столько индивидуальными стремлениями, сколько самим развитием общества того времени (с. 200–201). Так или иначе, деятельность Людовика XIV дала большой импульс для разного рода исследований, но его образ по-прежнему не совсем ясен. Тем не менее сегодня историки пришли к консенсусу в том, что он не был диктатором, деспотом и самовластным правителем без ограничений и влияния со стороны других лиц и организаций.

В заключение подведены некоторые итоги размышлений в главах, сводящиеся к тому, что его стремление к величию и безопасности внутри и вне своего королевства исходило из опыта его детства. «Король-солнце» стал заложником собственной системы, и «великий век» ушел вместе с ним.

Думается, с категорической оценкой автором в русле традиционной немецкой историографии внешней политики короля как исключительно агрессивной и наступательной можно поспорить, например, хотя бы в том, что во время войны за испанское наследство Франция большей частью вела оборонительную войну. В целом же книга достаточно объективна. Противоречивый человеческий образ французского монарха на барочной сцене красочного и жестокого театра-мира не может не привлечь внимание читателя.

Л. И. Иволина,

доктор исторических наук,

профессор кафедры всеобщей истории

Смоленского государственного университета